

Знакомство с мифами Древнего Китая

Со словом «Китай» в не слишком отягощенной культурными ценностями памяти связаны такие понятия, как Великая Китайская стена, рис, чай, шелк. К этому списку сооружений, изобретений, нововведений можно добавить бумагу, компас, тушь. Понятие «миф» в обыденном сознании с Китаем не ассоциируется. При слове «миф» в воображении возникают знакомые нам с детства образы Геракла, Орфея, Персея, Тесея, Ариадны, Кассандры. И это естественно, поскольку «миф» — греческое слово и художественное сознание европейцев основано на греческих мифах. Однако китайцы обладают не менее богатым мифологическим наследием, чем греки. Оно нам просто менее известно, поскольку Китай находился за Китайской стеной.

С китайскими мифами европейцы впервые познакомились в XVIII в., а до того сам Китай был мифом. Именно тогда ряду европейских философов казалось, что историю цивилизации должно начинать с Китая. Это мнение опиралось на представление о том, что Китай — родина самых древних и мудрых философов. Между тем, как это ясно теперь, китайские философы не древнее греческих и много моложе мудрецов Египта.

До философии в Китае было поэтическое осмысление мира и прошлого человечества в форме мифов. Эти мифы не рассказывались, а пелись, сопровождаемые ударами, гудениями, рокотом музыкальных инструментов. Их героями были первопредки и цари-мудрецы, создатели человеческой культуры. Между зарождением этих песен, хранившихся в народной памяти, и их фиксацией с помощью изобретенной во второй половине II тыс. до н. э. письменности прошли многие столетия. И несколько столетий понадобилось еще для того, чтобы записанные песни были систематизированы и осмыслены китайскими мудрецами как документы исторического прошлого, как рассказы об истинных событиях и лицах определенной территории и времени.

Сами песни, на основании которых философами создавалась фиктивная история, частично сохранились в сборниках «Шицзин» («Книга песен») и «Шуцзин» («Книга истории»). Китайский историк Сыма Цянь (146-86 гг. до н. э.) так сказал об отборе этих песен: «В древности песен (ши) было более трех тысяч. Конфуций отбросил негодные и взял то, что соответствует правилам и должному». Поскольку дошедших до нас песен 305, ясно, что негодными признано девять десятых поэтического наследия древних китайцев. Что касается принципов отбора, то они определялись задачами воспитания народа в духе конфуцианства с его идеализацией старины, почитанием предков, верностью нормам складывающегося государства. Таким образом, китайские песни донесли до нас упорядоченную,

препарированную мифологию, соответствующую господствующему во времена Конфуция (VI-V вв. до н. э.) мировоззрению.

Отношения между народной поэзией как источником мифов и философией, как их осмыслением, не были идиллическими ни в Китае, ни во всех иных древних цивилизациях. Философы, выработавшие более или менее цельное представление об окружающем мире, относились к народной мудрости с определенным пренебрежением. Они видели в песнях наивные рассказы, стоящие на пути познания истинных законов, по которым развиваются природа и человечество. В этом не было беды, если бы философы только вступали в полемику с народной поэзией. Нет, сами пользуясь мифами как источниками, они до неузнаваемости их разрушали. Например, если в мифе рассказывалось о чудовище с четырьмя лицами, то в пересказе философа четыре лица превращались в четырех сановников, отправленных императором в четыре страны по четырем сторонам света. Такой рационалистический подход к мифам известен и в средиземноморской древности, где он связан с именем философа Эвгемера, который доказывал, что богами были провозглашены когда-то жившие цари и другие чем-либо отличившиеся люди.

Упорядочение китайской мифологии, осуществленное философами, усложнило понимание ее развития. Можно лишь догадываться, что в глубокой древности китайцы, как и другие народы, почитали животных — змей, ласточек, медведей, слонов, считая их покровителями отдельных родов и племен. Со временем одна из таких покровительниц, змея, приняла в воображении рассказчиков мифов облик чудовищного змея — дракона, которому было приписано господство над метеорологическими явлениями и небесными телами, водной стихией и особое покровительство царям.

Таким же образом почитаемые китайцами реальные птицы превратились в фантастическую птицу Фэнхуан, ставшую символом царицы. Облик дракона был придан также богиням и богам, которым приписали создание мира и сотворение человечества.

Китайцы, обитавшие на равнинах, часто заливаемых выходящими из берегов великими реками, почитали спасительные горы. Одна из них, Куньлунь, мыслилась расположенной в центре мира в виде опорного столпа для неба. Считалось, что на вершине этой горы находилась резиденция верховного бога и небесного императора Шан-ди. Одновременно существовало представление о другой вертикальной оси — мировом древе, ставшем обиталищем десяти солнц.

Само небо мыслилось высшим существом, руководящим всем, что происходит на земле. При этом в мифологическом сознании произошла подмена Верховного небесного владыки и Неба мифическими Государями Неба. В их число входил верховный владыка центра Хуан-ди и его помощник

бог земли Хоу-ту, покровительствующий храму солнца и властвующий над созвездиями и планетами Большой Медведицы, Сатурном, Юпитером, Меркурием, Венерой. Каждому из мифических владык соответствовало определенное материальное начало — время года, цвет, животное, часть тела, оружие. Все это говорит о формировании сложной мифологической системы, включающей различные природные и пространственные элементы.

Главные герои китайской мифологии — прародители, представленные в виде реальных правителей и царей, создателей культурных благ огня, земледелия, медицины, календаря, музыки, письменности. Приписывание одного и того же изобретения разным героям объясняется тем, что имеющиеся в нашем распоряжении мифы объединили различные мифологические традиции. Китайские культурные герои выступают одновременно как открыватели мира, путешественники, проникающие в самые отдаленные уголки земли. При этом под отдаленными странами запада, куда проникают стрелок и другие прародители, часто подразумевается страна мертвых.